

Альберт Восканян

**Остап Бендер, князь Микеладзе,
архангел Гавриил и...ОБХСС**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84
В76

Восканян А. З.

Остап Бендер, князь Микеладзе, архангел Гавриил и...ОБХСС /
А. З. Восканян — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2018. — 163 с.

ISBN 978-5-5321-1570-5

В книгу «Остап Бендер, князь Микеладзе, архангел Гавриил и... ОБХСС» Альберта Восканяна вошли юмористические и сатирические рассказы, сюжеты которых в основном взяты из реальной жизни. О серьёзном автор пишет с юмором, иногда с сарказмом, но в целом не делает категоричных выводов и предоставляет возможность самому читателю разобраться в той или иной ситуации. Лёгкий юмор, на котором построено большинство рассказов, поднимает настроение, а безобидная сатира заставляет остановиться, оглянуться, посмотреть на себя со стороны. Автор фотографий Альберт Восканян.

ISBN 978-5-5321-1570-5

© Восканян А. З., текст, 2018
© Omiko Trading LTD., оформление, 2018

Патриотизм и вино, или как я получил нагоняй от француженки

Практически все без исключения люди любят свой край, свой город, посёлок, село и гордятся тем, чем славится их край. Естественно, всё это прекрасно, если бы не некоторые перегибы в этой любви...

Отработав день в Совете Европы (Страсбург, Франция), мы, наша интернациональная группа из 4 человек, решили поужинать в ресторане. Подошла учтивая, симпатичная официантка-француженка, чтобы принять заказ. У меня чуть челюсть не упала – до того было поразительное её сходство с Мирей Матье... Чуть-чуть полноватые бёдра не портили, наоборот, в глазах кавказского мужчины делали её ещё приятней. А голос... Голос напомнил мне тихое, нежное журчание лесного родника...

Приняв заказ на еду, она перешла на выпивку. Тогда я пил исключительно вино и поэтому заказал бокал красного сухого. Тут надо отметить, что среди всех нас французский язык знал только наш друг немец, который стал как бы связующим звеном между нами и прекрасной француженкой. Наша «Мирей» принесла всем выпивку, мне бокал вина, и я поймал себя на мысли, что не могу отвести своего взгляда от её красивого лица. И тут я почему-то вспомнил французские фильмы и книги про Францию и, сделав глоток вина, посмотрел в её глубокие, чуть раскосые глаза, спросив: «Мадам, это «Бордо»?» Это единственный сорт вина, который я вспомнил. И тут... у нашей мадам лицо перекосилось, она, широко расставив ноги, положила руки на пояс и громко, чуть ли не басом начала что-то кричать мне... Прекрасное лицо мадам в течении секунды каким-то волшебным образом преобразилось и начало напоминать мне лицо Бабы-яги из кинофильма «Морозко». К своему ужасу я вдруг увидел, что у неё среди нижних зубов появились два белых клыка...

В ресторане наступила зловещая тишина, люди за столиками перестали есть, смотрели в нашу сторону, и я почувствовал их недоброжелательные взгляды. Наш друг немец сидел бледный, мы сами притихли, не понимая причины гнева Мирей-яги. И тут, мадам, резко повернувшись, ушла куда-то. Все мы вопросительно посмотрели на нашего немца, который объяснил причину её гнева, укоризненно глядя на меня: «Это регион Эльзас, а ты похвалил вино региона Бордо...»

Тут снова подошла Мирей-яга, резко поставила передо мной новый бокал красного вина и что-то сказала, зло глядя на меня. На солнце хищно блеснули два её клыка... Наш друг перевёл: «Вот тебе бокал «Бордо», попробуй и скажи, какой лучше?» При этом немец успел шепнуть мне: «Скажи, что «Эльзас» лучше...». Я оглянулся и заметил, что посетители напряжённо смотрят на меня и ждут ответа. Некоторые даже приподнялись со своих стульев...

Никуда не денешься – взял бокал «Бордо», понюхал жидкость, пригубил и положил на стол. После этого сделал то же самое с бокалом вина «Эльзас»... Вокруг напряжённая тишина... Эту процедуру я повторил ещё раз и произнёс, не спеша, спокойно: «Мадам, «Бордо» – тьфу!» – и опустил большой палец руки вниз – «Эльзас – класс!» – я поднимаю большой палец вверх.

И вдруг снова чудо – лицо нашей мадам резко преобразилось, стало потрясающе-красивым, клыки куда-то исчезли, она снова превратилась в Мирей Матье! После моих слов посетители ресторана одобрительно загудели, успокоились и продолжили трапезничать.

Милая мадам, сверкая ровным рядом белых красивых зубов и улыбкой Матье, что-то ласково сказала мне. Немец перевёл: «Она говорит, что один бокал – бесплатно, за счёт их заведения». Тут я не выдерживал и с подколкой спросил: «А какой бокал за счёт заведения – «Бордо» или «Эльзас»?» Она вопросительно посмотрела на немца, а тот ей говорит на французском, что я благодарю её. А мне нервно и тихо: «Какая тебе разница, какой бокал бесплатный?! Дают – пей!»

Мадам, окинув меня приятнейшим взглядом, улыбнулась и, слегка покачивая своими полноватыми бёдрами, «поплыла» к другим столикам делать свою работу...

Потом мы долго обсуждали этот случай. Я рассказал о нём моим друзьям в Карабахе, они смеялись, шутили... Но ведь наша мадам, по идее, поступила патриотично, ей стало «за державу обидно»: как может вино из другого региона быть лучше вина её родного Эльзаса»?!

Вот такая история приключилась со мной... Вроде прикольная, как говорится, история, но есть над чем подумать, поразмыслить...

Июль 2014 г.

«Земляк Петросяна...»

*Посвящаю всем, кто служил в
Группе Советских войск в Германии*

1

С человеком иногда происходят разные интересные истории. Некоторые из них с годами стираются из памяти, но некоторые врезаются в неё, и их без смеха невозможно вспоминать. Вот одна из моих таких историй.

После окончания 10-го класса мои документы не приняли в институте, куда я собирался поступать, и через пару месяцев мне пришла повестка о призыве в армию. Тогда случайно узнал, что отец договорился в областном военкомате, чтобы я служил, «там, где все». А это означало, что я должен был служить где-нибудь в Азербайджане, Грузии или Армении. Естественно, меня это не прельщало, так как видел много таких «солдат», которые из положенных 24 месяцев службы 18 бывали дома. И я сделал контр-шаг: пошёл в военкомат и добровольно попросил записать меня на... трёхгодичную службу в морской флот, что в военкомате с большим удовольствием и сделали. На следующее утро родители узнали об этом... и началось... Пишу коротко: пошёл компромисс со стороны родителей – я отказываюсь служить в ВМФ и иду служить туда, куда попаду. Последнее было моим условием...

На трёх «ЛАЗах» нас, молодых, отвезли из Степанакерта в Баку, оттуда – на призывной пункт в Балладжары, где нас переодели в военную форму. После ночлега построили на плацу, пришли «покупатели»... Из карабахской команды только трое попали в одну группу, и нас, человек 50, сразу же отправили в аэропорт Бина. В аэропорту нас поместили в какой-то большой комнате, где каждый устроился как мог, в основном – на полу. Дали нам по банке тушёнки,

сухие галеты, и сколько мы ни спрашивали офицеров, где будем служить, куда нас повезут, не получали ответа...

Ночью я почувствовал, что в горле у меня першит, начинаю набирать температуру (тогда у меня гланды не были вырезаны, и я постоянно болел ангиной). К утру мне стало совсем плохо, но пришлось терпеть... После переклички нас посадили в самолёт. Сколько мы летели – не помню, так как температура у меня уже подскочила. По прилёте нас высадили, снова сделали перекличку. Неподдалёку стояло ещё несколько групп новобранцев, всех нас погрузили в военные машины и повезли. Тут мы узнали, что находимся в Германской Демократической республике, будем служить в Группе советских войск в Германии (ГСВГ), и нас везут с военного аэродрома в город Франкфурт-на-Одере, на место постоянной дислокации. Дальше я помню смутно: снова переклички, снова плац, какие-то офицеры-«покупатели». Мы, трое степанакертских парней, потеряли там друг друга. Я их потом увидел уже дома у нас, после демобилизации.

...Снова перекличка, грузовая военная машина, переделанная под перевозку людей. Потом был перрон, снова перекличка... голова уже кружится, не могу глотать простую воду, температура, чувствую, зашкаливает. Капитан, сопровождающий нас, просит меня потерпеть... Ехали на электричке, где я впервые увидел и узнал, что одеколон, оказывается, можно пить...

Вышли на перрон, перекличка, потом снова посадили в машины, и через два часа мы въехали в войсковую часть, ворота за нами закрылись.

«Всё, служба твоя начинается, и это был твой выбор – не хотел служить рядом с домом...» – говорит мне откуда-то появившееся второе «Я».

Отогнав второе «Я» на, если говорить культурно, «определённую дистанцию», я со всеми новобранцами вошёл в казарму. Нам выдали военную форму, показали, как правильно пользоваться портянками, как надевать сапоги и т.д. Делаю всё, что говорят, но механически: голова болит, раскалывается, дышать трудно, лицо, тело горят...

Тут нас, уже одетых в военную форму, построили в казарме, и сержант, как сейчас принято говорить, «лицо кавказской национальности», дал команду, чтобы каждый представился и назвал военный округ, откуда прибыл. Мне самому стало интересно, есть ли кто из земляков. Но слышу только: «Прибалтийский военный округ... Среднеазиатский военный округ»... Тут подошла моя очередь, и я с трудом выговорил свою фамилию, добавив, что из Закавказского военного округа. Смотрю, сержант (оказалось, что он из Дагестана, по фамилии Магомедов) подходит и с интересом спрашивает, откуда я конкретно. Я отвечаю. Лицо сержанта расплывается в улыбке, и он говорит мне: «А-а-а... земляк Петросяна!»

Было два часа ночи, когда нам дали команду «отбой», предупредив, что подъём будет в 6.00, потом – зарядка, а в 7.00 будет завтрак. Состояние моё было незавидное – ноги подкашивались, перед глазами появились какие-то круги, говорить практически не мог, даже не было сил подумать, а кто такой Петросян?.. Оказалось, что до утра мне придётся ещё не раз услышать эту фамилию. Но об этом чуть позже...

Я подошёл к Магомедову и заплетающимся языком кое-как объяснил ему, что заболел в дороге, плохо себя чувствую. В ответ: «Земляк Петросяна, перестань, ложись спать!»

Но тут Магомедов посмотрел внимательно на меня, потрогал лоб и забеспокоился. Он позвонил куда-то, и минут через десять явился старшина-сверхсрочник Носюк, как потом оказалось, ответственный за карантинную роту. Магомедов доложил ему, Носюк подошёл ко мне и спросил фамилию. Я ответил. Он улыбнулся и с мягким украинским акцентом, певуче произнёс: «А-а-а... земляк Петросяна!» Через секунду добавил: «А ну-ка, марш спать!»

Но потом, оглядев меня, потрогал мой лоб и дал команду Магомедову срочно сопроводить меня в санчасть...

2

Здание санчасти было рядом с нашей казармой, через пару минут мы вошли в комнату, где были врач – старший лейтенант, и миловид-

ная медсестра Людмила, которые болтали, коротая время. Магомедов объяснил им, что я из карантина, из сегодняшней партии новобранцев, пожелал мне здоровья и ушёл, сказав, что завтра зайдёт. Медсестра Люда открыла журнал, взяла ручку и спросила у меня фамилию, чтобы сделать запись. Пересилив себя, я кое-как произнёс свою фамилию и... услышал в ответ уже знакомое мне: «А-а-а... земляк Петросяна!» Она уже собиралась выйти, чтобы догнать Магомедова, но тут я попросил потрогать лоб, измерить температуру. Она с недоверием подошла ко мне, встряхнула градусник и протянула мне. Я положил его под мышку... Медсестра отошла, села рядом с врачом, и они начали что-то говорить – чувствую, про меня...

Мозг у меня от температуры начинает «плавиться», еле держусь на табуретке, появляется чувство нереальности, что это не со мной, это сон, я сейчас проснусь и буду у себя дома в Степанакерте, с родителями... Тут снова появляется моё второе «Я» и шепчет мне на ухо: «Так тебе и надо, не хотел служить рядом с домом, не послушался родителей...» Ответить у меня не было сил...

Подошла медсестра Люда, посмотрела на градусник – глаза у неё стали круглыми... Она подошла к врачу, показала ему термометр. В ответ я услышал тихую речь врача и снова слово: «Петросяна». Врач взял градусник, встряхнул его и сам положил мне под мышку. Он сел рядом, не отводя от меня глаз. Дальше было всё как в тумане – смутно помню укол, встревоженные лица врача и медсестры... Потом мне выдали больничную пижаму, и перед тем, как вырубиться в пустой палате, было ощущение, что лечу в бездну... Эта была самая длинная ночь в моей жизни... Внезапно послышались шипящие звуки, появились какие-то рожицы, черти.... Я понял, что в бреде... И вдруг появился кто-то большой, чёрный. Он наклонился надо мной, оскалив зубы, и, смеясь, произнёс: «Я Петросяна!» Чудовище потянуло меня за рукав, я сопротивлялся как мог, отталкивал... Вдруг чудовище начало говорить со мной голосом миловидной медсестры Люды: «Просыпайся...» Я открыл глаза и увидел медсестру, которая звала меня, в руке у неё были шприц и какие-то

таблетки... Сделав укол и дав выпить таблетки, она ушла, и я снова полетел в бездну...

Проснулся я от луча солнца и каких-то тяжёлых звуков, похожих на громкое выдыхание человека. Приподнявшись на локте, я отодвинул занавеску и увидел такую картину: невысокий здоровый волосатый парень с голым торсом, стоя ко мне спиной, с лёгкостью выжимал тяжёлую штангу, потом, бросив её на землю, схватил две 16-ти килограммовые гири и начал чуть ли не жонглировать ими в воздухе. В конце этот парень нагнулся к крану и стал обливаться холодной водой (на дворе был ноябрь), после чего начал обтираться солдатским вафельным полотенцем. Надевая больничную пижаму, он повернулся ко мне в профиль, и я увидел его крупный орлиный нос...

Через минуту в коридоре санчасти послышались чьи-то тяжёлые шаги, открылась дверь моей палаты и вошёл тот самый «штангист», как я его окрестил в уме. «Штангист» сразу спросил меня на армянском: «Ехбайр*, это тебя вчера ночью сюда привели? Это ты мой земляк?» «Наверное», – ответил я.

«Штангист» присел на табуретку, начали знакомиться, и когда узнал, что передо мной сидит сам Петросян, я, несмотря на мою температуру, чуть не задохнулся со смеху... И рассказал Онику, так звали Петросяна, как и откуда я узнал про его существование. Тут уже вдвоём начали смеяться...

Естественно, встаёт вопрос: что делает «штангист» Петросян в санчасти? А ответ прост: когда Оника призывали в армию, из горного района Армении, в военкомате посмотрели на его «товарный» вид, на его книжку кандидата в мастера спорта по тяжёлой атлетике и сразу же «забрили», толком не посмотрев медицинскую карточку, где было написано, что у него есть определённые нарушения ритма сердца. Оник не настаивал на отсрочке или комиссовании, так как хотел служить. Однако романтизм Оника внезапно пропал, когда, попав в «королевские войска» (стройбат), он понял, что здесь нужно таскать мешки и работать лопатой, и он объявил себя больным, что, на самом деле, соответствовало действительности.